

М. Е. Ткачук

Магия дюжины

Констанцкий собор постановил: конец света может настать в одной отдельно взятой стране.

Анекдот советского времени

Когда Николай Дмитриевич Руссев обратился ко мне с предложением написать предисловие к этому выпуску журнала, посвященного столетию Якима Сергеевича Гросула, сказать, что я опешил — ничего не сказать. Пожалуй, единственным, что меня лично связывало с великим основателем Молдавской Академии наук, было только то, что значительную часть своей юности я прожил на улице, названной в его честь. И все! Ну, да, еще и в самой Академии наук работал, на фасаде главного корпуса которой долгое время висел барельеф Гросула. То есть, кроме как на барельефе, Якима Сергеевича я никогда не видел. Даже труды основоположника молдавской исторической школы в последний раз читал, кажется, готовясь к семинару по развитию капитализма в Бессарабии. Но и это было почти тридцать лет назад. Иными словами — писать подобное предисловие — оснований никаких. И это еще мягко сказано.

Но Руссев заявил, что предисловие следует написать как бы вовсе не о Гросуле. Скорее, о той драме, которая случилась с его детищем — с исторической наукой в Молдове, да и с самой Академией наук. «И вообще, обрати внимание, какой любопытный двухсотлетний цикл в молдавской истории случился. Причем, первое столетие этого цикла, с 1812 года, было как раз главным предметом исследований юбиляра».

Пока Руссев рассуждал, мне все казалось логичным и даже захватывающим. Но когда он, взяв с меня твердое обещание написать предисловие, вышел из кабинета, я понял, что влип. Никакого желания описывать превраще-

ние лояльнейших советских историков в антисоветских публицистов у меня не было. Академию наук хоронить преждевременно тоже не хотелось. Да и магию цифры «12» в молдавской истории расписывать — как-то муторно, натужно, неестественно.

Тем не менее, Интернет бойко отреагировал на мой ленивый запрос: «Часы двенадцать бьют», «Двенадцать апостолов», «Двенадцать знаков зодиака», «Двенадцать месяцев», «Двенадцать рыцарей круглого стола», «Двенадцать подвигов Геракла», «Двенадцать пар ребер». — Весело! Но и только. Потом, естественно, вдруг возник образ с барельефа, который грозно так, как бы, вопрошал: «Чего же это Вы, коллега, нумерологией тут решили позабавиться? Несерьезно это все, с Вашей-то ученой степенью и мировоззрением».

Ну что же, мировоззрение — ключевое слово. И дата — 2012 год — тоже принципиальна. Да, это именно тот год, когда историческая ткань, сотканная из бесчисленных цветных нитей преемственности, узлов и пересечений, оборвалась. Оборвалась в «одной-единственной стране». В Молдове.

Разрыв во всей своей позорной яви будет замечен позже. Нет сомнений: он будет исследован с той же цепетильностью, с которой современные археологи исследуют хронологические разрывы в следовании древних культур. Но уже сейчас очевидно — недолгая эпоха, восходящая то ли ко временам Великой французской революции, то ли действительно к 1812 году, когда «наполеоновское просвещение» озарило сердца его будущих по-

бедителей, завершилась. Эпоха, наполненная вдохновением и постоянным юношеским ожиданием будущего времени. Того будущего, которое оправдывает мерзкое и постыдное настоящее. Того будущего времени, на алтарь которого позволительно сломя голову бросаться самому, бросать головы монархов и революционеров и, озираясь назад, за горами трупов все-таки разглядывать воочию видимые очертания того, что так долго, многозначно и со вкусом обозначалось звонким и хрустящим словом «прогресс».

Проектное видение, проектное мышление владело душами и сознанием всех исторических игроков этой удивительной эпохи. От политических правых до крайне левых. От незаметных конторских служащих николаевской России до угрюмых партократов брежневской поры. От «консервативных герильеро», героически защищающих испанскую корону от бонапартистского просвещения, до русских националистов времен советской перестройки. От интеллектуальных зодчих математически-новаторских «первых пятилеток» и безымянных творцов самого Советского Союза до комиссаров его западного брюссельского двойника. — Все они готовы были, что называется, «лечь» своими либо чужими «костями» за ту или иную версию — нет, не мироустройства, а будущего. Своего «общественно-необходимого» и, безусловно, прогрессивного проекта.

Итоги этой беспримерной конкуренции представлений о будущем — не только две мировые войны и целый веер европейских революций, но и тысячи университетов, научно-исследовательских институтов, академий наук, библиотек, бесчисленный список энциклопедий на бесчисленном числе языков, но и весь теперешний постиндустриальный интернет-космический мир, посрамивший своими технологическими масштабами самые дерзкие утопические искания нескольких поколений писателей-фантастов.

И вот оно — наступившее настоящее, начисто отринувшее категорию будущего времени, превратившееся в беспроектную и бесконечную длительность. Фантасты, мечтатели и утописты давно уступили место аждам и друидам, колдующим во вневременном вакууме стиля «фэнтэзи». Стремление заглянуть за грань видимой реальности охватывает интервал, задаваемый лишь арифметически мгновенными сроками окупаемости инвестиций и предсказуемости процентной ставки по кредитам. У будущего теперь есть специальные синонимы, описываемые такими сло-

вами, как «риски», «венчуры» и «стартапы», но они еще обостреннее подчеркивают свою ситуативную актуальность. Есть только настоящее и прошлое. Иных временных измерений больше не существует. Время дробно фрагментируется на политические циклы — от выборов до выборов, ускоряется выходом новых гаджетов и автомобильных новинок, измеряется политическими династиями и локальными военными конфликтами. Уже не имеет никакого принципиального значения, что было раньше — последняя война в Ираке или в Ливии, президентство Обамы или Буша, международное признание Косово или Абхазии, революция в Египте или в Украине. События последних двадцати лет можно таковать в любой последовательности, почти не нарушая их логику, никак не предопределяя печально-знаменитый «эффект бабочки» Рэя Бредбери. *«Наступите на мышь — и вы оставите на Вечности вмятину величиной с Великий Каньон»* — нет, эти слова больше ничего не значат для современников той истории, которую они, видимо навсегда, назвали новейшей, живущих лишь в невротическом ожидании Апокалипсиса и воспроизводящих, подобно средневековым летописцам, лишь римейки по каноническим откровениям уходящей эпохи. Сам сюжет о переживаемой современности, как о «новом средневековье» становится бродячим и уже не требует ссылок на Николая Бердяева, Роберто Вакка или Умберто Эко. Нескончаемая современность согласилась с таким диагнозом и изо всех сил старается соответствовать ему вплоть до деталей — тотальной клерикализацией, очередными спорами времен первых вселенских соборов между Западом и Востоком, «крестовыми походами» против Ислама и «Исламом, как сакральной оппозицией мировой системе», и, главное, всеобщим недоверием к любому социальному прожектерству, к любой попытке вновь заговорить на многозначном и так много значащем языке свободы.

Есть такие места на земле, где все эти вещи видны невооруженным взглядом, где смысловой разрыв и разрыв цивилизационный ощущается кожей и не нуждается в поиске академических авторитетов, на которых можно было бы сослаться. Молдавия — одно из таких мест.

Когда-то Яким Сергеевич Гросул заметил, что именно этот регион, покоящийся на тектоническом шве между русским востоком и турецким западом, демонстрирует некую обратную оптику восприятия многих известных исторических процессов. Именно тут страш-

ная Российская империя в облике деятельного графа Павла Дмитриевича Киселева неожиданно проявила свои модернизационные способности, предложив дунайским княжествам государственное устройство, за одну попытку внедрения которого в самой Империи можно было очень быстро присоединиться к декабристам на каком-нибудь Петровском железоделательном заводе в Забайкалье. Именно в Молдавии, в Бессарабии, в отличие от Финляндии и Польши, Россия выступила носителем вестернизации — новых политических, образовательных и гуманитарных институтов, скроенных по последней европейской моде — с оговоренными законом правами человека для цыган и с заботой о разделении властей. Именно тут, с 1918 по 1940 год, в период пребывания Бессарабии в составе «великообъединенной» Румынии, задолго до еврокоммунистических исканий Себастьяна Карильо, возник уникальный феномен демократического коммунистического подполья, объединившего в своих конспиративных рядах как твердокаменных большевиков, так и весьма многочисленных представителей вчерашних эсеров, бундовцев, вплоть до странном образом переориентировавшихся деятелей белогвардейской эмиграции. «Советская оккупация» Бессарабии продолжила эту модернизационную традицию царизма, открывая университеты, школы, больницы, строя города и развивая национальную культуру по всем правилам европейской «мультикультурности».

Я помню, как мы, студенты-историки, время от времени ерничали о прогрессивном характере влияния Российской империи на Молдавию. Мол, конечно же, (ха-ха!) только благодаря включению Бессарабии в состав Империи молдаване узнали со временем о том, что такое Октябрьская революция и смогли поучаствовать в Хотинском и Татарбурнарском восстаниях. Шутка нам самим нравилась. И мы хихикали над своими парадоксальными открытиями противоречий советской историографии. Мы еще тогда не чувствовали, да и не могли чувствовать, что восходящая линия ожидания «светлого будущего» действительно объединяет и графа Киселева, и революционера Павла Ткаченко, и первого Президента Молдавской Академии наук — Якима Сергеевича Гросула. Не могло уложиться тогда в голове, что, к примеру, «экспорт европейской свободы» в перестроечную Молдову определит главного врага демократизации и гласности в облике просвещенной Академии наук, а не в ипостаси самодоволь-

ных партийных бонз. Трудно было поверить, что, спустя каких-то десять-пятнадцать лет, именно в этой стране на демократических выборах не просто одержат верх коммунисты, но происходить это будет, в том числе на почве проевропейской риторики, с деятельным возрождением павшей интеллектуальной крепости Академии наук, с самым активным участием и сочувствием многих из нас, что новое издание молдавского коммунизма будет искать свои идейно-теоретические начала не столько в ретроспективной ностальгии по временам ушедшего в небытие СССР, сколько в ценностях бессарабского коммунистического подполья межвоенного периода.

А потом вдруг окажется, что в 2012 году мир соседней Европейской цивилизации решит заговорить именно здесь не выпрєнными и отточенными формулировками про верховенство права и примат демократических ценностей, а лающими обертонами временщиков-гауляйтеров, открыто поддержавших антиконституционный переворот в этой стране, неофашистские марши, запрет оппозиционных СМИ, а заодно освятивших, как великое благо, окончательный раздел Молдовы по Днестру. И, если во всех прочих случаях (как, к примеру, в Косово) у европейского двуличия наличествовало подобие хоть какого-то алиби, то в случае с Молдовой никаких оправданий никто даже не пытался искать. В этой части Европы, видимо, уже можно, не стесняясь, выражаться более удобным для себя образом, пока еще не известным на берегах Сены, Рейна и Дуная. Тектонический шов, двести лет скрепляемый модернизационными порывами семи поколений, преломляясь оттенками русской европейскости и пророссийской европеизации, треснул и разошелся. Тихое и благодатное подполье бойкого диалога цивилизаций, сдобренного густым красным вином, обрело очертания холодного и сырого подвала.

Когда-то выдающийся Дмитрий Ефимович Фурман пророчески написал: «Внимание ученых-естественников особенно привлекают растения либо животные, которые сочетают признаки, нигде больше не встречающиеся вместе. Случись, например, палеонтологам открыть полудинозавра-полуптицу, на биологическую эволюцию пришлось бы взглянуть по-новому...». В политологии же все по-другому. Внимание экспертов прежде всего привлекают страны, играющие большую роль на мировой арене, а не те, что обладают редкими или даже уникальными свойствами. В противном случае работ о Молдове

было бы, наверно, больше, чем о любой другой посткоммунистической либо постсоветской стране. Ибо Республика Молдова как раз и есть «полудинозавр-полуптица».

Тем не менее, уникальное качество Молдовы быть незаметным и незамеченным местом, с которого теперь «видно все», вряд ли является единственным утешительным выводом, к которому может прийти исследователь. Случившийся разрыв — это, безусловно, финал того процесса, который был запущен в далеком 1812 году размашистой подписью фельдмаршала Кутузова. Но это еще и финал, который проявился во всей своей медицинской диагностике раньше про-

чих мест. А это тоже, своего рода, приоритет. И если именно тут суждено было новому средневековью одержать свою безоговорочную победу, то, вероятнее всего, именно отсюда начнется реконкиста нового проектного видения, нового представления о том далеком будущем, без образа которого жизнь в настоящем не только бессмысленна, но и физически невозможна.

И если есть какая-то магия в числительном «Двенадцать», то это магия сотворения нового, пусть у старых и ветхих алтарей Академии наук, с именами ее основателей на устах, в 2012 году, когда весь мир обсуждает очередную дату «конца света».

Mark Tkachuk (Kishinev, Moldova). Doctor of History. High Anthropological School University.

Mark Tkachuk (Chişinău, Moldova). Doctor în istorie. Universitatea «Şcoala Antropologică Superioară».

Ткачук Марк Евгеньевич. (Кишинев, Молдова). Доктор истории. Университет «Высшая антропологическая школа».

E-mail: stratumplus@gmail.com